

УДК 94(510)"16/19"+94(470+571)

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-120-140

Ссылка для цитирования: *Авдашкин А. А.* От трудовых мигрантов до «Восточного батальона» красноармейцев: динамика образа китайцев в России в начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 129–140.

ОТ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ДО «ВОСТОЧНОГО БАТАЛЬОНА» КРАСНОАРМЕЙЦЕВ: ДИНАМИКА ОБРАЗА КИТАЙЦЕВ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

А. А. Авдашкин

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Россия, Челябинск, пр-т Ленина, 76

adrianmaricka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8169-2755

ResearcherID: ABF-7475-2021

Scopus Author: 57212146426

Статья посвящена трансформации образа китайских трудовых мигрантов в участников военного конфликта на стороне большевиков. Обращение к переформатированию образа китайских рабочих в красноармейцев позволило выявить культурно-историческую специфику образа китайцев, показать его основные составляющие и содержательные особенности до революции и во время Гражданской войны. Источниковую базу составили материалы периодических изданий, архивные документы Российского государственного военного архива, агитационные плакаты белого движения. Тексты, опубликованные в дореволюционной периодике, отражают массовые представления о китайских мигрантах. Материалы газет большевиков содержат элементы официального дискурса о китайских мигрантах в частях Красной армии. Документы Управления Московского военного округа, а также Управления армиями Южного фронта дополняют картину, созданную газетными сообщениями. Плакаты белого движения являлись мощным средством визуализации образа врага (в данном случае китайцев) на стороне большевиков. Методологической основой послужила историческая имагология, для анализа текстов прессы применялся контент- и дискурс-анализ. Трудолюбие, обезличенность, неприхотливость и быстрое освоение новых сфер деятельности составили основу образа китайского мигранта в России в начале XX в. Интерпретация этого культурного конструкта зависела от применения той или иной социальной оптики. До революции частичное или полное признание/отрицание наблюдателем идеологемы «желтой опасности» превращало китайцев либо в эффективный инструмент экспансии, либо в рабочую силу, применение которой необходимо упорядочить и регламентировать. В условиях революционных потрясений характеристики китайцев в массовой культуре для одних превратились в маркер угрозы и опасности, для других – в критерий при выборе союзника.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, китайцы, «желтая опасность», Гражданская война, Красная армия, образ, историческая имагология.

Введение

Смена подходов в изучении исторического прошлого в отечественной историографии, связанная с ориентиром на человеческое измерение истории, ярко проявилась в изучении образов врагов и друзей [Голубев, Поршнева, 2012]. Понять специфику их создания и развития невозможно без учета влияния доктринальных, ментальных и социально-психологических факторов на состояние массового сознания и отдельного индивида, чьи представления и действия в критических ситуациях предопределяли взрывы вражды и нетерпимости. Реакцией на болезненный слом жизненного уклада общества становилось применение универсальной оппозиции «мы – они», «свои – чужие».

Неоднозначной страницей в истории Гражданской войны является участие в боевых действиях трудовых мигрантов из Китая [Стратегический партнерский диалог..., 2017]. Смесь мигрантофобии и тревожности по поводу возможных политических потрясений в российском обществе способны создать мощный кумулятивный эффект, поэтому данная проблема актуальна.

Цель статьи – проследить механизм трансформаций образа китайских рабочих в красноармейцев в годы Гражданской войны. Обращение к смене образа трудовых мигрантов в участников военного конфликта позволит ответить на следующие проблемные вопросы: какова культурно-историческая специфика образа китайцев? насколько дифференцированным был этот образ? в чем заключались его особенности в позднеимперский и революционный периоды?

В исторической литературе подробно реконструированы особенности трудовой миграции китайцев в позднеимперскую Россию, показана неоднозначная реакция государства и общества на их присутствие [Дятлов, 2000; Ходяков, Чжао, 2017; Ходяков, 2018; Alexeeva, 2018]. В последние годы в историографии немало внимания уделено обстоятельствам вступления китайцев в части Красной и Белой армий [O'Neill, 2014; Lin, 2015; Чжан, Гагкуев, 2019]. Большевики видели в мигрантах из Азии не источник опасности, а союзника в борьбе за победу мировой революции, поэтому стремились заручиться поддержкой китайских трудящихся [Stolberg, 2004, p. 174]. Лидеры Белого движения на востоке России актами насилия и беззакония подпитывали риторику «национального унижения» во всех кругах китайской общины, что во многом подтолкнуло китайцев на сторону красных [Lin, 2015].

Идеологически выверенный портрет китайских бойцов, сложившийся в годы сближения СССР и КНР (см. [Попов, 1957]), современные авторы дополнили незначительными штрихами. Обращалось внимание на отсутствие у китайцев тяги к алкоголю, дисциплинированность, неприхотливость в быту и беспощадность к врагам революции [Карпенко, 2007, с. 279–280, 302; Ларин, 2009, с. 88; Спичак, 2012, с. 33]. Мы мало знаем о социальной оптике, сквозь которую воспринимались китайские мигранты. Целостной реконструкции образа «другого» в лице китайских рабочих, принимавших участие в событиях Гражданской войны, пока не проводилось. Необходимо восполнить этот пробел в историческом знании, так как это важная составляющая комплекса представлений о моделях поведения иноэтнических мигрантов в условиях дестабилизации российского общества.

Материалы и методы

Тексты, опубликованные в различных дореволюционных периодических изданиях, раскрывают общественное мнение о «желтом вопросе» и массовые представления о китайских мигрантах. В хаосе революционных событий ксенофобские установки не только сохранялись, но приобретали новые очертания и проявлялись более интенсивно. Материалы периодической печати большевиков, посвященные китайским формированиям, содержат элементы официального дискурса о китайских мигрантах в частях Красной армии. Ценным источником, позволяющим дополнить картину, созданную в печати, стали документы Российского государственного военного архива. Это материалы Управления Московского военного округа (Ф. 25883), а также Управления армиями Южного фронта (Ф. 100). Продуктивным выглядит привлечение агитационных плакатов Белого движения, посвященных китайцам на стороне большевиков. Набор задействованных в работе источников оставляет у читателя справедливые вопросы о его репрезентативности. Однако использование столь разнородного материала в едином комплексе позволяет преодолеть многие познавательные ограничения, накладываемые характером исходных данных.

Методологической конструкцией для изучения образов китайских мигрантов на полях сражений Гражданской войны является историческая имагология. Данный инструментарий позволяет исследовать механизмы межкультурных взаимодействий, представления о «другом» и его культуре, этнические, национальные, географические, внешнеполитические, инокультурные образы и стереотипы. В этом контексте образы трудовых мигрантов из Китая являются порождением не только внутривосточной и международной конъюнктуры, но и частью картины мира принимающего общества (см. [Голубев, Поршнева, 2012]). При анализе текстов прессы применялись методы контент- и дискурс-анализа. Интерес представляло не только «что», но и «как» писали газеты о китайцах, какие образы при этом создавались.

Результаты и обсуждение

Во второй половине XIX – первой трети XX в. в Европе, США и других частях света получил распространение комплекс представлений, идеологем и предрассудков, известный как «желтая опасность». В контексте позднеимперской модернизации китаефобию подпитывали

ощущения слабости контроля над дальневосточными окраинами, страхи перед китайцами как сильным конкурентом в сфере предпринимательства, освоения природных богатств обширного края и др. [Дятлов, 2000; Ходяков, 2018; Старовойтова, Янченко, 2020; Chia, 2006].

М. Ларюэль отмечала, что миф о «желтой опасности» распространился далеко за пределами правого лагеря, оказался широко востребован в обществе, поэтизирован в культуре и обрел прочную основу в массовом сознании населения [Ларюэль, 2004]. Нас интересуют не все сюжетные линии и политические платформы этих дискуссий, а лишь проблемы, связанные с присутствием трудовых мигрантов из Китая.

Предприниматель С. Д. Меркулов подчеркивал многочисленность китайцев, их высокую конкурентоспособность по сравнению с русскими переселенцами², вывод заработанных средств на родину подрывал, по его мнению, местную экономику ([цит. по: Дятлов, 2000, с. 75]). Сообщения о частых стычках между русскими и китайскими рабочими свидетельствовали об ощутимой напряженности на рынке труда (Комов, 1909; Панов, 1912). Представления о «китайской толпе, перехлестывающей через российские границы», широко распространились в обществе и накладывали заметный след на взгляды большинства наблюдателей (Китайская толпа, 1911).

Изученные тексты показывают дегуманизацию образа, высокомерное и пренебрежительное отношение к китайцам, невысокую ценность их жизни (Верещагин, 1902; Матвеев, 1911, с. 30). Освещая восстание ихэтуаней и чуму в Маньчжурии, российская сатира высмеивала «природную трусость» китайцев, китайскую традиционную медицину, их облик и уклад жизни [Старовойтова, 2017, с. 89; Ратманов, 2017, с. 163–164].

Оппоненты Меркулова – А. А. Панов и М. Ковалевский – понимали миграцию китайцев не как «стихийный поток», а как временный и управляемый экономическими рычагами «промысел» без угрозы прочного закрепления на территории империи (Ковалевский, 1909; Панов, 1910; Желтый вопрос..., 1912; Борьба за рабочий рынок..., 1912; Желтый труд..., 1916). Для социал-демократов проблема «желтого труда» являлась составляющей рабочего вопроса. По их мнению, бурная полемика о трудовой миграции лишь скрывала опасность для «белой» буржуазии и современного капитализма: «“Желтый” пролетариат скоро примкнет к “белому” и создаст одно целое» [Дятлов, 2000, с. 64].

Это давало основания для пересечения двух великих ксенофобий позднеимперской России – антисемитизма и китаефобии [Дятлов, 2010]. Представители правого политического лагеря обвиняли евреев в саботаже борьбы с надвигающейся «желтой опасностью» для дестабилизации социально-политической ситуации. Так обретала легитимность мысль о существовании заговора и использовании одним «смертельным» врагом мощи другого в качестве инструмента реализации своих целей.

Отрицание «желтой опасности» не сопровождалось отказом от употребления эпитета «желтый». Различные идеологемы и тексты, разоблачающие в китайцах образ «другого», имели более влиятельный и долгосрочный мировоззренческий эффект, нежели планировали их авторы. Так, в массовое сознание внедрялись националистические максимы, отразившие напряженность российской модернизации и формирования национальной идентичности [Dyatlov, Dyatlova, 2020]. Оформилась несущая конструкция образа китайского мигранта: обезличенность, неприхотливость, антисанитария и нищета, гибкая или «заискивающая» модель поведения, высокая конкурентоспособность и умение быстро осваивать новые сферы деятельности [Восток России..., 2011, с. 464].

Чиновники признавали нежелательным присутствие китайцев на территории империи, но некоторые запросы о разрешении «желтого» труда власти находили целесообразными³. Для защиты экономики Дальневосточного региона от дешевого труда китайцев и корейцев готовился комплекс законодательных и управленческих мер [Ходяков, 2019]. Первая мировая война вызвала острый дефицит рабочей силы, и правительство признало необходимость привлечения к работам представителей «желтой расы». Противники этого решения приводили весомые аргументы – от возможности проникновения германских шпионов и опасного засилья «желтолицых» на рынке труда до «заноса эпидемических заболеваний» [Ходяков, Чжао, 2017, с. 8]. В прессе звучали идеи решить «желтый вопрос» и одновременно утолить «рабочий голод» приобщением к труду многочисленных беженцев (Биржевые ведомости, 1915). Однако реалии

войны одержали верх над позицией «антикитайского» лобби, и в 1915 г. российская сторона запустила механизм привлечения китайских рабочих. В общей сложности с января 1915 по апрель 1917 г. в Россию для работы завезли 159 972 китайца [Ларин, 2009, с. 28].

События февраля 1917 г. кардинально изменили ситуацию в промышленности, а октябрьский переворот привел к ее краху. Приток рабочей силы из Китая остановился, а оставшихся рабочих спешно отправляли на родину. Однако к началу осени 1917 г. на предприятиях страны оставалось 67 тысяч китайских рабочих [Аникст, 1920, с. 42].

Кризис институтов власти и обвал в экономике поставили трудовых мигрантов в катастрофическое положение. В Новгородской губернии бывшие строители железных дорог голодали, распространяли заразные болезни [Ларин, 2009, с. 72–73]. На Урале китайцы занялись мелкой торговлей и беспокоили жителей Перми навязчивыми просьбами приобрести товар. Усиление конкуренции вызвало недовольство местных торговцев, возникали «нежелательные инциденты, которые могли завершиться беспорядками» [Каменских, 2011, с. 90; Каменских, 2018, с. 18].

Предпринимались меры к эвакуации рабочих на родину. Только с 1 января по 18 марта 1918 г. через Екатеринбург проследовало на восток 17 902 китайца [Ипполитов, Минаев, 2013, с. 31]. До начала мятежа чехословацкого корпуса страну покинуло примерно 40 000 «желтых» рабочих (Известия, 1919, 30 ноября). Их возвращение затруднялось перебоями в работе железнодорожного транспорта и суровостью условий в пути [Ларин, 2009, с. 70]. Начало Гражданской войны остановило перевозку китайских рабочих на родину. Они встретили начало чужой для них войны в состоянии крайней нужды и соглашались примкнуть к той или иной стороне конфликта за еду и безопасность.

Революция повлекла распад армии, утрату ею организации и боеспособности. В этих условиях противоборствующие стороны привлекали на свою сторону различные национальные формирования. Большевики прибегли к этому с целью показать на практике реализацию принципов «равенства национальностей» и расширить социальную базу сторонников в России и за рубежом. Так, в составе Красной армии появился ряд интернациональных подразделений, состоявших из венгров, латышей, китайцев и др. [Malet, 2020, р. 36–38]. Нередко это были спешно собранные партизанские или добровольческие отряды, лишённые четкой структуры и системы соподчинения, но позволявшие решать пропагандистские и боевые задачи.

В общей сложности около 30 000 китайских рабочих вступили в ряды Красной армии, некоторое количество оказалось и на стороне белых [Ларин, 2009, с. 90; Исповедников, 2010, с. 80; Zitser, 2009, р. 41]. Добровольное включение китайцев в вооруженную борьбу на стороне большевиков преподносилось как свидетельство широкого влияния их идей на пролетариат. Создавался образ китайца, «пробужденного и измененного революцией» (Правда, 1918, 9 мая; Красная армия, 1918, № 35). Характерный эпизод позже воспроизвел П. П. Бажов в рассказе «Шанго Контрами», когда поступивший на службу к красным китаец в ответ на обращение «ходя» отвечает: «Ходя ни...я китайса лабоча» [Бажов, 1958, с. 110].

В распространенных пропагандой текстах, как, например, в выпусках «Боевой правды», движущими мотивами при выступлении китайцев на стороне большевиков являлись осознание классовых интересов, готовность к соединению с мировым пролетариатом (Боевая правда, 1919, 13 сентября; 26 сентября; 11 октября). Постепенно даже вступившие в армию ради пропитания проникались революционной идеологией, пусть и в упрощенной форме. Отзывы китайских красноармейцев о газете, изданной специально для них, свидетельствовали о том, что идеи большевиков о ликвидации эксплуататоров и победе над Белым движением нашли глубокий отклик у вчерашних трудовых мигрантов (Правда, 1919, 11 января; 28 февраля).

В Красной армии китайцы получили не только хлеб и кров, но и уважение как товарищи по оружию. Так, «другой» в лице китайцев обретал человеческий облик, отличался «дисциплиной, стойкостью и готовностью жертвовать жизнью ради революции» (см.: Красная армия, 1918, № 35; Красный набат, 1918, 23 ноября; Беднота, 1918, № 239; Коммунар, 1918, № 68; Уральский рабочий, 1918, 1 августа; Вооруженный народ, 1918, 15 сентября; 19 сентября; Известия Великолукского Совдепа, 1919, № 65; Наша война, 1920, 3 февраля). Красноармеец 21-го московского полка отмечал, что китайцы «даже после нескольких ранений остаются в строю после легкой перевязки» (РГВА. Ф. 100. Оп. 2. Д. 104. Л. 11). Китайцы выделялись среди дру-

гих интернационалистов бесстрашием, терпением, неприхотливостью и ставились в пример (см.: Вооруженный народ, 1918, 4 октября). Китайские мигранты в царской России воспринимались как потенциальный «очаг антисанитарии и заразных болезней». По этой причине большевики показывали перемены в лучшую сторону в этом вопросе. Обнаружена пара растиражированных текстов об образцовой чистоте, порядке и опрятности в китайских частях (Беднота, 1918, № 51; Вооруженный народ, 1918, 6 октября).

Однако широкие слои населения руководствовались прежними массовыми стереотипами. Первое время в героических текстах сохранялись привычные элементы расового дискурса (эпитет «желтый»). Нового языка для описания различий еще не было выработано. Летом 1918 г. в Москве «невежественные обыватели» били китайцев-красноармейцев. В ответ Замоскворецкий военный комиссариат потребовал уважительного отношения к бойцам «Восточного батальона», доказавшим преданность революции в бою (Красная армия, 1918, 11 июля).

Интерес представляют данные, оставшиеся вне поля зрения прессы. Согласно сведениям о боевом пути 21-го московского сводного полка, несмотря на храбрость и упорство в боях, китайцы проявляли жестокость по отношению к местному населению, принимали участие в грабежах, не подчинялись приказам и др. Это заметно контрастирует с тезисами об «осознании классовых интересов и стройных рядов, идущих строить социализм» (Боевая правда, 1919, 13 сентября; 26 сентября).

Приведем конкретные примеры. Случалось, что даже не выставлялось охранение на ночь. Объясняли это так: «Моя не боится казака и спит ночью, а твоя боится и не спит». После того как казаки в ночной атаке нанесли китайскому отряду ощутимый урон, отношение к караулу изменилось. Непросто складывались отношения с местным населением. Несмотря на суровость наказания, не прекращались случаи мародерства. Взятие населенных пунктов оборачивалось «резней что маленьких, что старых казаков» (РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 89. Л. 23–23 об.).

В литературе распространено мнение, что для командования китайские части служили надежной опорой на фронте и в тылу, с их помощью подавлялись восстания и велась «борьба с контрреволюцией» [Чжан, Гагкуев, 2019, с. 65]. Однако обнаружены факты, когда китайцы 21-го полка не подчинялись приказам и митинговали (РГВА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 25. Л. 31). Даже после решительных действий командиров подобные эксцессы повторялись. В итоге «за неповиновение ротному командиру и за подстрекательство к бунту» двух китайских красноармейцев расстреляли. Показателем уровня дисциплины служат и случаи дезертирства. За месяц боевых действий из состава полка дезертировало 9 % китайских военнослужащих [Калкаев, 2017, с. 695]. На наш взгляд, таких фактов в действительности было больше.

Манипуляции образами иноземцев-большевиков прочно вошли в пропагандистский арсенал противников большевиков [Ренев, 2009; Novikova, 2019]. В восточных районах России, подконтрольных белым, «желтая» угроза тесно переплеталась с угрозой «красной» [Ипполитов, Минаев, 2013, с. 31]. Вот характерный текст: «Хорошо снаряженные коммунисты (латыши, мадьяры, китайцы и др.) плетью и под дулом оружия гонят в бой голодных, оборванных и безвольных красноармейцев» (Красный Урал, 1919, 21 сентября). Участие красных интернационалистов, в частности китайцев, в подавлении Ижевско-Воткинского восстания оставило заметный след в прессе и литературе. Однако сами участники выступления не упоминали о ведущей роли латышей или китайцев в красном терроре [Ренев, 2009, с. 194].

Больше информации дают агитационные плакаты белого движения как мощное средство визуализации образа врага. В материалах, посвященных китайцам, задействовались такие сюжеты информационной войны с совдепией, как террор (рис. 1–3) и гонения на православную церковь (рис. 4) [Сергеева, 2017]. Так, образ китайцев дегуманизировался, и это вполне соответствовало установкам в русле концепции «желтой опасности».

На Дальнем Востоке белые воспринимали китайцев как шпионов и пособников красных. Регулярно происходили жестокие убийства, нарушения прав и грабежи китайских торговцев [Lin, 2015, p. 149–152]. Аналогичная ситуация складывалась и в других частях страны. Так, Харьковский филиал союза китайских рабочих в России телеграфировал наркому иностранных дел Г. В. Чичерину о бесчеловечном убийстве в Мелитополе в начале февраля 1918 г. 50 китайцев (см.: Правда, 1919, 28 марта). Украинские националисты воспринимали интернациональ-

ные формирования на стороне большевиков как «наемников, служивших евреям». Совершались погромы и жестокие карательные акции [Gilley, 2014, p. 123; Gilley, 2017, p. 48].

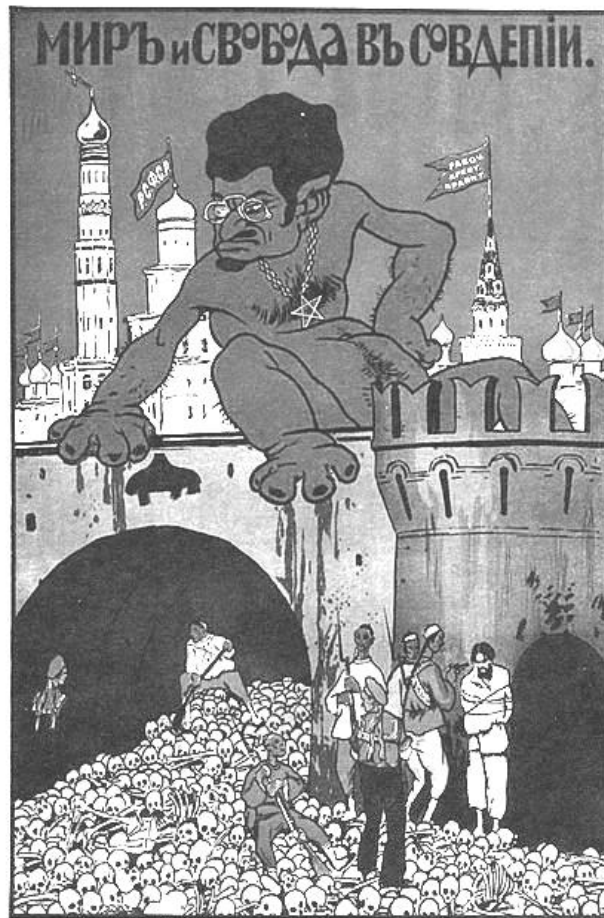

Рис. 1. «Мир и свобода в Совдепии»

Рис. 2. «Так большевистские карательные отряды из латышей и китайцев насильственно отбирают хлеб, разоряют деревни и расстреливают крестьян»

Рис. 3. «Лихая работа Красной интернациональной армии Ленина и Троцкого»

Рис. 4. «Даже матросы, эти отчаянные хулиганы и разбойники, испугались честного и животворящего Креста Господня, тогда комиссары вызвали китайцев, и те спокойно, не дрогнув, расстреляли священника. Это случилось в Москве»

После завершения Гражданской войны советское правительство предприняло меры для возвращения китайцев на родину [*Ларин*, 2009, с. 111]. В 1930-е гг. политика советского государства в отношении китайской общины приобретает все более репрессивный характер. «Дореволюционная» китайская диаспора, значительную часть которой составляли участники Гражданской войны, была вытеснена или подверглась репрессиям. Факт ее существования постепенно ушел на периферию исторической памяти российского общества.

Выводы

В начале XX в. сложился основной набор качеств образа китайца: трудолюбие, неприхотливость и высокая адаптивность. От применения наблюдателем той или иной социальной оптики зависело наполнение этого культурного конструкта. В годы Первой мировой войны комплекс тревог о «наплыве» китайских мигрантов временно пошел на спад. Однако революционные потрясения вновь обратили пристальное внимание общества на контингент иностранных рабочих, потерявших средства к существованию и возможность уехать на родину. В этих условиях основные характеристики китайцев в массовой культуре для одних превратились в маркер угрозы и опасности, для других – в критерий при выборе союзника в вооруженном противостоянии.

Для большевиков китайцы – это пролетарии, которым нечего терять, кроме своих цепей, доблестные и верные борцы за дело революции. Активность в использовании инструментов пропаганды определялась стремлением создать «нового человека». Важным обстоятельством являлось то, что реальные участники и очевидцы событий могли представить конкурирующие и вполне достоверные точки зрения. Образ китайцев, предлагаемый официальным дискурсом, нередко расходился с реальным опытом, и это требовало усилий для вытеснения «неудобных» фактов из публичного пространства.

Противники красных оперировали ксенофобскими установками, образами организованных иноземцев, помещая их в контекст террора и гонений на церковь. Это вполне согласовывалось с массовыми стереотипами населения о китайцах. Позитивные черты приобретали отрицательную интерпретацию, несли угрозу и ущерб. Под таким углом зрения принимающей стороны трудолюбие, неприхотливость и адаптивность китайцев воспринимались как «неутомимая» враждебность по отношению к местному населению, низкий уровень бытовой культуры, клановость, продажность, жестокость и др.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (государственное задание № FENU-2020-0021).

² Меркуловым особо подчеркивалось, что китайцы неприхотливы, согласны на любую работу за крайне низкую оплату и не пьют.

³ Известно, что еще до начала Первой мировой войны труд китайцев применялся на предприятиях в Саратовской (6000 чел.), Харьковской (2000 чел.) и Витебской (1000 чел.) губерниях.

Список источников

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 100. Оп. 2. Д. 104. Л. 11; Ф. 25883. Оп. 1. Д. 25. Л. 31; Д. 89. Л. 23–23 об.

Беднота. 1918. № 51; № 239.

Биржевые ведомости. 1915. 16 сентября.

Боевая правда. 1919. 13 сентября; 26 сентября; 11 октября.

Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 241–282.

Верецагин А.В. По Манчжурии. 1900–1901 гг. Воспоминания и рассказы // Вестник Европы. 1902. № 1. С. 116–118.

Вооруженный народ. 1918. 19 сентября; 15 сентября; 4 октября; 6 октября.

Желтый вопрос и меры борьбы с «желтым засильем» в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 171–184.

Желтый труд на Дальнем Востоке по данным 1914 г. // Вопросы колонизации. 1916. № 19. С. 140–171.

Известия. 1919. 30 ноября.

- Известия Великолуцкого Совдепа. 1919. № 65.
Китайская толпа // Современник. 1911. № 4. С. 124–134.
Ковалевский М. Порто-франко во Владивостоке // Вестник Европы. 1909. Т. 255. С. 423–437.
Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. 1909. № 27. С. 18–27.
Коммунар. 1918. № 68.
Красная армия. 1918. № 35; 11 июля.
Красный набат. 1918. 23 ноября.
Красный Урал. 1919. 21 сентября.
Матвеев Н. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12. С. 28–43.
Наша война. 1920. 3 февраля.
Панов А. Желтый вопрос в Приамурье // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 53–116.
Панов А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 241–282.
Правда. 1918. 9 мая; 1919. 28 марта; 11 января; 28 февраля.
Уральский рабочий. 1918. 1 августа.

Библиографический список

- Аникст А.А. Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М.: Агит. изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1920.
Бажов П.П. Бойцы первого призыва. Свердловск: Свердл. книж. изд-во, 1958.
Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2011.
Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.
Дятлов В.И. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1 (8). С. 63–89.
Дятлов В.И. Великие ксенофобии: взаимовлияние и взаимодействие (опыт России) // Идеи и идеалы. 2010. № 2. С. 51–63.
Ипполитов С.С., Минаев В.В. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на Востоке России во время второй русской смуты // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 27–45.
Исповедников Д.Ю. Участие Китая в Гражданской войне в Сибири // Новый исторический Вестник. 2010. № 3 (29). С. 74–81.
Калкаев Е.Г. Китайские красноармейцы 21-го Московского сводного полка осенью 1918 г. в воспоминаниях и документах // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 2. С. 689–698.
Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011.
Каменских М.С. Китайцы Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018.
Карпенко Н.М. «Китайский легион». Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917–1921 гг.). Луганск: Альма-матер, 2007.
Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009.
Ларюэль М. «Желтая опасность» в работах русских националистов начала века [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2004. URL: <https://polit.ru/article/2004/10/11/laruelle/> (дата обращения: 23.06.2020).
Попов Н.А. Участие китайских интернациональных частей в защите Советской Республики в период Гражданской войны (1918–1920 годы) // Вопросы истории. 1957. № 10. С. 109–123.
Ратманов П.Э. Маньчжурская чума 1910–1911 гг. в газетных карикатурах (часть 1) // История медицины. 2017. Т. 4, № 2. С. 161–173.
Ренев Е.Г. Свидетельства прессы и участников Ижевско-Воткинского восстания о красных интернационалистах и современная историография // Вестник Удмурт. ун-та. История и филология. 2009. № 2. С. 179–196.
Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 4. С. 210–229.

- Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече, 2012.
- Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем: Российская революция 1917 года глазами российских и китайских ученых / под ред. С.Б. Ульяновой, Ван Ци. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.
- Старовойтова Е.О.* «Мой большой кулак еще при мне!»: боксерское восстание в Китае в российских сатирических изданиях начала XX века // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 81–97.
- Старовойтова Е.О., Янченко Д.Г.* Колонизация, миграция и порто-франко на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. // Былые годы. 2020. № 1. С. 206–214.
- Ходяков М.В.* Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. № 60. С. 78–83.
- Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. № 4. С. 880–897.
- Ходяков М.В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
- Чжан Ю., Гагкуев Р.Г.* Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми // Российская история. 2019. Вып. 1. С. 60–71.
- Alexeeva O.V.* Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // The Chinese Historical Review. 2018. Vol. 25, iss. 1. P. 46–66.
- Chia Y.H.* A Tale of Two Railroads: «Yellow Labor». Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s. 1910s // Ab Imperio. 2006. No. 3. P. 217–253.
- Dyatlov V.I., Dyatlova E.V.* From the «Influx of the Yellow Race» to «Migrant Workers»: Dynamics of the Languages for Describing Cross-Border Migrations in Russia // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13, no. 5. P. 623–638.
- Gilley C.* The Ukrainian Anti-Bolshevik Risings of Spring and Summer 1919: Intellectual History in a Space of violence // Revolutionary Russia. 2014. Vol. 27, iss. 2. P. 109–131.
- Gilley C.* Beyond Petliura: the Ukrainian National Movement and the 1919 Pogroms // East European Jewish Affairs. 2017. Vol. 47, iss. 1. P. 45–61.
- Lin Y.R.* Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror // Revolutionary Russia. 2015. Vol. 28, iss. 2. P. 140–166.
- Malet D.* Workers of the world, unite! Communist Foreign Fighters 1917–91 // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 2020. Vol. 27, iss. 1-2. P. 33–53.
- Novikova L.G.* Red Patriots against White Patriots: Contesting Patriotism in the Civil War in North Russia // Europe-Asia Studies. Vol. 19, iss. 2. P. 183–222.
- O'Neill M.* From the Tsar's Railway to the Red Army: The Experience of Chinese Laborers in Russia During the First World War and Bolshevik Revolution. London: Penguin, 2014.
- Stolberg E.* The Siberian frontier between 'White Mission' and 'Yellow Peril,' 1890s–1920s // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32, iss. 1. P. 165–181.
- Zitser E.* «A Dirty Place for Americans to Be»: Images of the Russian Civil War in Siberia from the Robert L. Eichelberger Collection at Duke University Libraries // Slavic & East European Information Resources. 2009. Vol. 10, iss. 1. P. 29–44.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.08.2021

FROM MIGRANT WORKERS TO THE “EASTERN BATTALION” OF THE RED ARMY: DYNAMICS OF THE IMAGE OF THE CHINESE IN THE EARLY 20TH CENTURY RUSSIA

A. A. Avdashkin

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia

adrianmaricka@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8169-2755

ResearcherID: ABF-7475-2021

Scopus Author: 57212146426

The article analyzes the transformation of the image of Chinese labor migrants into the participants of the military conflict on the side of the Bolsheviks. The analysis of how the image of the Chinese workers was reformatted into the Red Army soldiers made it possible to reveal the cultural and historical specificity of the image of the Chinese, to show its main components and meaningful specifics before the revolution and during the Civil War. The source base was made up of materials from periodicals; archival documents of the Russian State Military Archive; and propaganda posters of the “white” movement. The texts published in the pre-revolutionary periodicals reflect the mass perception of Chinese migrants. The materials of the Bolshevik newspapers contain elements of the official discourse on Chinese migrants in the parts of the Red Army. Documents from the Office of the Moscow Military District, as well as the Army Directorate of the Southern Front, complement the picture created by newspaper reports. “White” movement posters were a powerful means of visualizing the enemy (in this case, the Chinese) on the side of the Bolsheviks. Historical imagology served as the methodological basis; to analyze press texts, content and discourse analysis was used. Diligence, impersonality, unpretentiousness, and the rapid development of new areas of activities formed the basis of the image of a Chinese migrant in the early 20th century Russia. The interpretation of this cultural construct depended on the use of one or another social optics. Before the revolution, partial or full recognition / denial of the ideology of the “yellow peril” made the Chinese either an effective tool for expansion or a workforce, the use of which should be streamlined and regulated as much as possible. Under the conditions of revolutionary upheavals, the characteristics of the Chinese in mass culture for some turned into a marker of threat and danger, and for others - into a criterion for choosing an ally.

Key words: migration, labor migrants, Chinese, “yellow peril”, Civil war, Red Army, image, historical imagology.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (state assignment № FENU-2020-0021).

References

- Alexeeva, O.V. (2018), “Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War”, *The Chinese Historical Review*, vol. 25, iss. 1, pp. 46–66.
- Anikst, A.A. (1920), *Organizatsiya raspredeleniya rabochey sily v 1920 godu* [Organization of the distribution of labor in 1920], Agit. ed. Dep. G.K.T. and N.K.T., Moscow, Russia, 126 p.
- Bazhov, P.P. (1958), *Boitsy pervogo prizyva* [Soldiers of the first convocation], Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, Sverdlovsk, Russia, 255 p.
- Chia, Y. H. (2006), “A Tale of Two Railroads: ‘Yellow Labor’. Agrarian Colonization, and the Making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s”, *Ab Imperio*, № 3, pp. 217–253.
- Dyatlov, V. I. & E. V. Dyatlova (2020), “From the “influx of the yellow race” to “migrant workers”: dynamics of the languages for describing cross-border migrations in Russia”, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, № 5, pp. 623–638.
- Dyatlov, V.I. (2000), “Chinese migration and discussion about the “yellow peril” in pre-revolutionary Russia”, *Vestnik Evrazii*, № 1, pp. 63–89.
- Dyatlov, V.I. (2010), “Great xenophobia: mutual influence and interaction (experience of Russia)”, *Idey i idealy*, № 2, pp. 51–63.
- Dyatlov, V.I. (2011), *Vostok Rossii: migratsii i diaspori v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East of Russia: migration and diasporas in a resettlement society. The borders of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries], Ottisk, Irkutsk, Russia, 654 p.
- Gilley, C. (2014), “The Ukrainian Anti-Bolshevik Risings of Spring and Summer 1919: Intellectual History in a Space of violence”, *Revolutionary Russia*, vol. 27, iss. 2, pp. 109–131.
- Gilley, C. (2017), “Beyond Petliura: The Ukrainian national movement and the 1919 pogroms”, *East European Jewish Affairs*, vol. 47, iss. 1, pp. 45–61.
- Golubev, A.V. & O.S. Porshneva (2012), *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [The image of an ally in the minds of Russian society in the context of world wars], Novyy khronograf, Moscow, Russia, 392 p.
- Ippolitov, S.S. & V.V. Minaev (2013), ““The whole fate of Russia depends on it”: to the study of the demographic and economic expansion of China and Japan in the East of Russia during the second Russian unrest”, *Novyy istoricheskiy vestnik*, № 3, pp. 27–45.
- Ispovednikov, D.Yu. (2010), “The participation of China in the Civil War in Siberia”, *Novyy istoricheskiy vestnik*, № 3, pp. 74–81.
- Kalkaev, E.G. (2017), “Chinese Red Army soldiers of the 21st Moscow Combined Regiment in the fall of 1918 in memoirs and documents”, *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, № 2, pp. 689–698.
- Kamenskikh, M.S. (2011), *Kitaytsy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v.* [Chinese in the Middle Urals in the late 19th – early 21st century], Mamatov, St. Petersburg, Russia, 351 p.

- Kamenskikh, M.S. (2018), *Kitaittsy Permi: istoriya i kul'tura* [Chinese Perm: history and culture], Mamatov, St. Petersburg, Russia, 65 p.
- Karpenko, N.M. (2007), “*Kitayskiy legion*”. *Uchastie kitaytsev v revolyutsionnyh sobytyyah na territorii Ukrainy (1917–1921 gg.)* [“The Chinese Legion”. The participation of the Chinese in revolutionary events on the territory of Ukraine (1917–1921)] Al'ma-mater, Lugansk, Ukraine, 391 p.
- Khodyakov, M.V. & Ch. Zhao (2017), “Labor migration of Chinese to Russia during the First World War”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, № 1, pp. 7–30.
- Khodyakov, M.V. (2018), “Yellow Russia of the late 19th – early 20th centuries in the geopolitical plans of the Russian military elite”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, № 4, pp. 880–897.
- Khodyakov, M.V. (2019), “Russian legislation of the early 20th century on the use of yellow labor in the economy of the Far East”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, № 60, pp. 78–83.
- Larin, A.G. (2009), *Kitayskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Chinese migrants in Russia. History and modernity], Vostochnaya kniga, Moscow, Russia, 512 p.
- Laruelle, M. (2004), ““The Yellow Peril” in the works of Russian nationalists of the beginning of the century”, *Polit.ru*, available at: <https://polit.ru/article/2004/10/11/laruelle/> (accessed 06.06.2020).
- Lin, Y.R. (2015), “Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror”, *Revolutionary Russia*, Vol. 28, iss. 2, pp. 140–166.
- Malet, D. (2020), “Workers of the world, unite! Communist foreign fighters 1917–91”, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, vol. 27, iss. 1–2, pp. 33–53.
- Novikova, L.G. (2019), “Red Patriots against White Patriots: Contesting Patriotism in the Civil War in North Russia”, *Europe-Asia Studies*, vol. 19, iss. 2, pp. 183–222.
- O'Neill, M. (2014), *From the Tsar's Railway to the Red Army: The Experience of Chinese Laborers in Russia During the First World War and Bolshevik Revolution*, Penguin, London, UK, 122 p.
- Popov, N.A. (1957), “Participation of Chinese international units in the defense of the Soviet Republic during the Civil War (1918–1920)”, *Voprosy istorii*, № 10, pp. 109–123.
- Ratmanov, P. E. (2017), “Manchurian plague of 1910–1911 in newspaper cartoons (part 1)”, *Istoriya meditsiny*, № 2, pp. 161–173.
- Renev, E.G. (2009), “Testimonies of the press and participants of the Izhevsk-Votkinsk uprising of the Red Internationalists and modern historiography”, *Vestnik Udmurt. un-ta. Istoriya i filologiya*, № 2, pp. 179–196.
- Sergeeva, O.V. (2017), “The visual language of the “red” and “white” posters of the Civil War period in Russia”, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, № 4, pp. 210–229.
- Spichak, D.A. (2012), *Kitayskiy avangard Kremlya. Revolyutsionery Kitaya v moskovskikh shkolakh Komintern (1921–1939)* [Chinese vanguard of the Kremlin. Chinese revolutionaries in Moscow schools of the Comintern (1921–1939)], Veche, Moscow, Russia, 288 p.
- Starovoytova, E.O. & D.G. Yanchenko (2020), “Colonization, migration and port-free in the Far East of Russia in the late 19th – early 20th centuries”, *Bylye gody*, № 1, pp. 206–214.
- Starovoytova, E.O. (2017), ““My big fist is still with me! ”: Boxing uprising in China in Russian satirical publications of the early 20th century”, *Noveyshaya istoriya Rossii*, № 2, pp. 81–97.
- Stolberg, E. (2004), “The Siberian frontier between “White Mission” and “Yellow Peril”, 1890s – 1920s”, *Nationalities Papers*, vol. 32, iss. 1, pp. 165–181.
- Strategicheskii partnerskiy dialog mezhdu Rossiei i Kitaem: Rossiyskaya revolyutsiya 1917 goda glazami rossiyskikh i kitayskikh uchennykh* [Strategic partnership dialogue between Russia and China: The Russian Revolution of 1917 through the eyes of Russian and Chinese scientists], Izdatel'stvo politekhnicheskogo universiteta, St. Petersburg, Russia, 2017, 362 p.
- Zhang, Yu. & R.G. Gagkuev (2019), “Chinese volunteers in the civil war in Russia: between the reds and whites”, *Rossiyskaya istoriya*, № 1, pp. 60–71.
- Zitser, E. (2009), ““A Dirty Place for Americans to Be”: Images of the Russian Civil War in Siberia from the Robert L. Eichelberger Collection at Duke University Libraries”, *Slavic & East European Information Resources*, vol. 10, iss. 1, pp. 29–44.